

БЕЛАЯ КОБЫЛА, ВОРОНОЙ ЖЕРЕБЕЦ И СТАЛИНСКИЕ ПОДСТРОЧНИКИ

(легенда-тетраптих, с эпиграфом и эпилогом,
записаная автором со слов Арсения Александровича Тарковского)

Шах с бараньей мордой на троне.
Самарканд на шахской ладони.
У подножья — лиса в чалме
С тысячью двустипий в уме.
Розы сахаринной породы,
Соловьиная пахлава,
Ах, восточные переводы,
Как болит от вас голова...

А. Тарковский

ЧАСТЬ 1. ЖЕЛЕЗНЫЙ ШУРИК

Молодой поэт Арсений Тарковский грустно сидел в своей единственной комнате, за небольшим секретером времен Павла I, купленном на стародавний гонорар. Перед ним пестрели заказанные ему переводы с туркменского.

Стихи его не печатались.

Одна только радость — на кухоньке чуть слышно напевала Татьяна-жена, рабочий ангел, «вечерний, сизокрылый, благословенный свет».

Свою однокомнатную квартиру Тарковские величали мансардой, потому что рядом находился чердак их обветшалого четырехэтажного дома. Непокойное было место. Варсонофьевский переулочок. Рядом с домом — гараж наблюдательного учреждения. Оттуда то и знай доносились крики: «Машина номер такой-то — на выход!» Эхо раскатывалось по чердаку, мешало работать... Перед глазами Тарковского плясали тени будущих строк:

Полуголый палач в застенке
Воду пьет и тарашит зенки.
Все равно. Мертвеца в рядно
Зашивают, пока темно.

Спи без просыпу, царь природы,
Где твой меч и твои права?
Ах, восточные переводы,
Как болит от вас голова...

И тут раздался властный, протяжный дверной звонок. Тарковский, чертыхаясь, приоткрыл двери. В черном проеме торчали двое в штатском, похожие друг на друга, как два манекена. Один из них ощупал Тарковского цепким взглядом и повелительно

отчеканил: «Арсений Александрович! Через десять минут вы поедете с нами. Собирайтесь...»

Тарковский вернулся в комнату, сбросил уютный персидский халат, надел серый костюм, взял узелок с бельем. Как у многих в те времена, узелок у него был давно приготовлен.

— Узелок оставьте, — произнес другой манекен.

Арсений Александрович попрощался с онемелой, белой, как снег, женой. Шевельнул «кандалами цепочек дверных».

И вот уже «черный, тихий как сова мотор» с поэтом и его конвойными мягко подкатился к Лубянке... Обогнул Лубянку — и растерянный Тарковский был доставлен на Старую площадь, в здание ЦК!!

Его ввели в празднично убранный зал. Там был накрыт просторный и длинный стол. Белая скатерть, коньяк, кофе, цветы и фрукты. За столом чинно сидели люди в строгих черных костюмах.

А во главе стола, в глубине зала, торжественно взирал на Тарковского кругленький человек средних лет, среднего роста, в черной паре и в черном галстуке, с идеальным пробором в блистающих от бриолина вороних волосах.

Тарковский вспомнил, кто это! Это был Александр Шипелов, Железный Шурик. (Фамилия Железного Шурика нетвердо запомнилась автору этой правдивой записи. Но не зря же сказал товарищ Сталин: «Незаменимых людей у нас нет». Поэтому автор сложил фамилии Шелепина, Шепилова и Пospelова, а сумму разделил на три. Получилась фамилия «Шипелов»). Железным Шуриком его называли друзья Тарковского, студенты ИФЛИ, где Шипелов имел честь учиться на заре туманной юности. Три грани характера Шипелова: непреклонная вера в каноны, неизбывная жажда власти, железная воля к созиданию блестящей карьеры — напоминали трехгранный штук. Порою на дружеских пирушках студенты ИФЛИ мечтали о будущем — кто хотел стать знаменитым поэтом, кто новым Белинским... Их желания были расплывчаты, мерцали, менялись. Но Шипелов всегда говорил твердо: «А я хочу стать секретарем ЦК».

И это ему удалось. Трехгранный характер легко вписался в округлые, приятные для лицезрения внешние формы. Огибая препятствия, Железный Шурик покати́лся наверх. Однажды он чуть-чуть не обошел на повороте самого Брежнева. Но увы! Слишком долго он ждал, и ему не хватило терпения. Грани его характера изнутри прокололи, как шину, обаятельную оболочку. Она с шипением лопнула, обнажила штук, напугав окружающих. В Железного Шурика полетели краугольные камни. Он зашатался и рухнул к подножью горы...

— Что же он мне напоминает? — думал Тарковский. — Мыльный пузырь? Железный обруч? Нет, нет... Скорее, лакированный нуль.

— Здравствуйте, Арсений Александрович! — сияя, возгласил Шипелов. Люди в черном, сидящие за столом, как по команде встали и уставились на Тарковского.

— Извините, что мы Вас потревожили. Но причина у нас уважительная. В высшей степени! Вы знаете, конечно, Арсений Александрович, — громко, внушительно продолжал Шипелов, — какое великое событие готовится отпраздновать наша страна?

Тарковский, осторожно и заворуженно, утвердительно кивнул. Разумеется, он знал, что всё кругом стремится достойно отметить 70-летие товарища Сталина — ударным трудом, победами в спорте и на духовном фронте. Об этом, захлебываясь от восторга, кричали газеты и радио, плакаты на стенах.

— Так вот, дорогой Арсений Александрович, — понизил голос Шипелов, — не все, к сожалению, знают, что товарищ Сталин начинал как Поэт! Стихи его были в печати. Из-за великой скромности нашего Вождя мы лишь недавно узнали об этом от его грузинских соратников. И мы хотели бы преподнести Иосифу Виссарионовичу

в день его рождения наш небольшой подарок — книгу его стихотворений на русском языке. Совершенно ясно, что стихи товарища Сталина должен перевести лучший, талантливейший переводчик нашего времени. Мы позвонили в Союз писателей, и, понимая всю значимость задачи, после долгих раздумий, его руководство нам указало на Вас.

Тарковский похолодел. Ветерок грозной опасности пробежал по его спине. Руководство Союза писателей отдавало его на вполне возможное заклятие. Едва шевеля губами, он попробовал отказаться:

— Но ведь каждое слово товарища Сталина должно быть начертано золотыми буквами на скрижалях Истории! В таком переводе нужна абсолютная точность. Непростительно, недопустимо исказить хоть один оттенок. Между тем я не знаю грузинского. А ведь надо еще передать красоту, потаенную музыку стихотворений. Я не столь уже опытный, я еще молодой переводчик. Достоин ли я касаться творений товарища Сталина? А в Союзе писателей есть старые, заслуженные мастера перевода — многие из них с мировым именем!

— Вот именно старые, — улыбнулся Шипелов, — а для нас важно качество перевода, а вовсе не имя переводчика. В Правлении Союза писателей нам сказали, что Вы — самый талантливый из молодых. Впрочем, — в голосе Шипелова сверкнул металл, — мы, конечно, не станем Вас принуждать.

— Нет, нет, я согласен, это великая честь для меня, — заторопился Тарковский. Незримая когтистая лапа сжала его душу. Запах серы защекотал ноздри.

— Ну вот и прекрасно. А теперь, — Шипелов поднес Тарковскому рюмочку коньяка, — за здоровье товарища Сталина!

Все выпили. Шипелов хлопнул в ладоши. Официант, с видимым усилием, внес в зал громадный портфель из крокодиловой кожи.

— В этом портфеле, Арсений Александрович, — сказал Шипелов, — вы найдете все, что вам необходимо для работы. Все это должно храниться в сейфе. А если вам еще что-нибудь понадобится, звоните нам. Да, кстати, Арсений Александрович, есть ли у вас сейф?

— Нет, к сожалению, нет. У меня даже нет телефона.

— Теперь есть и то, и другое, — улыбнулся Шипелов, — желаю удачи!

Тот же черный лимузин отвез Тарковского домой, домой — на свободу!

— Арсюша! Ты жив, цел, невредим! — встретила его залитая слезами жена. — Слава Богу!

За ее спиной старшина с молниями на погонах привинчивал к стенке прихожей эбонитовый телефон, облокотясь на железный сейф.

ЧАСТЬ II. ВРАГИ МУЗЫ. ДРУЗЬЯ НАРОДА И СТАЛИНСКИЕ ПОДСТРОЧНИКИ

— Товарищ Сталин начинал как Поэт, — в ушах Тарковского все еще звучали эти слова Шипелова... В грузинских календарях нет-нет и появлялось стихотворение для детей за подписью «Сосело». Это был сентиментальный псевдоним Иосифа Джугашвили. По легенде, его первые опыты в поэзии показали любопытными самому Илье Чавчавадзе. Но довольно скоро Чавчавадзе разочаровался в стихах Джугашвили и сказал ему об этом в редакции своего журнала. Сосо пришел в ярость и грубо обругал замечательного писателя, которого называли совестью Грузии. При сем присутствовал могучий горец, народный поэт Важа Пшавела — он и выпшвырнул Сосо из

кабинета редактора. Впоследствии Сталин, не успев отомстить самому поэту, так как Важа умер своею смертью «до того», превратил в лагерную пыль сына поэта...

Ах, Муза, Муза! Какая злоба подчас охватывает отвергнутого тобой — того, кто так хотел стать твоим Другом!

А вот у Блока в стихотворении «К Музе» сказано:

Я хотел, чтоб мы были врагами,
Так за что ж подарила мне ты
Луг с цветами и твердь со звездами —
Все проклятье своей красоты?

Зато отвергнутые Музой становятся порой Другами народа. И гениально уничтожают миллионы врагов народа — «в политике кто гений, тот злодей»... И вот уже «вместо жизни виршеписца повели жизнь самих поэм «автор посредственной «Песни о великом походе» Мао Цзедун, неудавшийся художник Адольф Гитлер, бывший поэт-неудачник, а ныне величайший Вождь всех времен и народов, кумир пролетариев всех стран Иосиф Сталин...

«Не сотвори себе кумира», — сказано в Писании. Как там дальше у Блока, в том же стихотворении «К Музе»?

И когда ты смеешься над верой,
Над тобой загорается вдруг
Тот неяркий, пурпурово-серый
И когда-то мной виденный круг.

Но ведь это сказано о вере в Бога. Если же Муза смеется над вождями, над колдунами, над верой в Великого Инквизитора, то круг над Музой другой: кроваво-черный. Алые рубахи опричников кружатся в пляске, в кромешной мгле.

...Мы живем, под собою не чуя страны.
Наши речи за десять шагов не слышны.
А где слышно на пол-разговорца,
Там припомнят кремлевского горца —
Душегуба и мужикоборца...

...Ему каждая казнь — что малина...

...И сверкают его голенища...

Кроваво-черные строки Мандельштама вспыхнули в сознании и погасли. Тело поэта тоже стало лагерной пылью.

Графомания на троне — это страшная, сатанинская сила.

Вначале было Слово. «И в Евангелии от Иоанна сказано, что Слово — это Бог». Сатана же Творцу позавидовал. Тема «Моцарта и Сальери».

Ну, а если Сальери на троне? О, тогда он сумеет заставить Моцарта написать в свою честь дифирамб. Немногие строки Ахматовой и Мандельштама в честь палача — это крики под пыткой.

А почему бы Моцарту не исполнить «Тарара» Сальери? «Там есть один мотив, я все твержу его, когда я счастлив...»

Переводчик — исполнитель чужеземной музыки. Но беда, когда чужеродной...

«Для чего я лучшие годы
Продал за чужие слова?
Как болит от вас голова...»

Такие ли, другие ли мысли кружились в душе у Тарковского, но вот он открыл таинственный портфель из крокодиловой кожи. Что же там было?

- Там были стихотворения Сталина на грузинском языке;
- те же стихотворения, но напечатанные русскими буквами;
- транскрипция каждого слова, каждой строки;
- ритм и метр каждого стихотворения, переданные условными знаками;
- тщательнейшим образом выполненный подстрочный перевод со многими вариантами и примечаниями;
- грузинско-русский словарь: любое стихотворное слово было переведено на русский язык с обширными толкованиями, оттенками смысла; это напоминало лучшие отрывки из «Толкового словаря живого великорусского языка» Владимира Даля;
- блестящий филологический анализ всех стихотворных текстов;
- богатые историко-литературные и географические комментарии.

Все это было прекрасно напечатано, разноцветным шрифтом, на бумаге лебединой белизны. Все это хранилось в сафьяновых папках.

С тех пор и взмахнуло крылами, и облетело весь переводческий цех выражение «сталинские подстрочники». Это подстрочники, о которых может только мечтать любой поэт-переводчик: как хорошо знающий язык оригинала, так и не имеющий об этом языке ни малейшего представления. Последний тип переводчика со всех языков, и особенно с языков народов СССР, широко распространен в нашей стране. Для иностранца это столь же непонятно, как и загадочная русская душа.

ЧАСТЬ III. КОНЬ КИТАЙСКОГО ИМПЕРАТОРА ИЛИ ГОДЫ ТЮРЬМЫ КАК КРИТЕРИИ СТИХОТВОРНОГО ПЕРЕВОДА.

Тарковский задумался. Надо было выбрать принцип перевода, его критерии. Каким должен быть перевод — «точным» (часто под таким понимают бездушную кальку с размера и внешнего смысла оригинала) или «вольным» (вариациями на тему оригинала, передающими аромат, атмосферу подлинника)?

Вспомнилась притча о лучшем коне китайского императора. Император однажды созвал государей-соседей на пир. Каждый из них прибыл на чудесном коне. Решили устроить скачки. Император, естественно, должен был победить.

Он вызвал к себе во дворец первого в Поднебесной знатока лошадей. — Верно ли, что лучше тебя в Китае никто не знает коней? — спросил император. Знаток лошадей пал ниц, семь раз полизал намазанный медом пол перед троном, возвел очи горé и ответил: «О повелитель! Лучше меня разбирается в скачках только мой воспитатель. Но теперь он глубокий старец — удалился в горы и стал отшельником».

Стоит ли говорить, что отшельник немедленно был привезен во дворец. А после беседы с императором старец отправился на рынок, выбрал лошадь, послал конюшему императора записку с описанием белой кобылы и ее продавца, и вновь удалился в горы. С этой запиской вельможа прибыл на рынок, разыскал продавца — не поверил глазам своим: у названного продавца с самого начала торговли была всего одна лошадь — вороной жеребец!

Вельможа с трепетом поведал сие императору. Разгневанный владыка Поднебесной вновь вызвал к себе знатока лошадей — ученика престарелого отшельника — и

сказал ему: «Твой старый осел совершенно выжил из ума. Он не только не может отличить кобылы от жеребца, но и черный цвет перепутал с белым. Ты мне ответишь за все головой! Пол перед тронем будет намазан ядом».

— Не гибель страшна! Страшит Твое огорченье! — знаток лошадей повергся ниц перед тронем, семь раз полизал ничем не намазанный пол — и воскликнул, воздев руки к небу: — О! Я вижу, что мой учитель достиг духовных вершин! Ведь не важно, о мой повелитель, черная лошадь или белая, кобыла это или жеребец, — важно, чтобы в ней кипел Дух лошади. Тогда она выигрывает скачки. Покупай жеребца, повелитель, и ты победишь!»

И впрямь, вороной жеребец на скачках заставил глотать свою пыль всех остальных коней. И не было в Поднебесной лошади лучше, чем эта.

«Вот каким должен быть перевод, — думал Тарковский, — ведь у Лермонтова сонна — она, и пальма — она. В его переводе из Гейне — мотив одиночества. А у Гейне, в оригинале, «der Fichtenbaum» — он, «die Palme» — она. Мотив неразделенной любви. И размер, и дыхание стиха у Лермонтова совсем не такие, как у Гейне. Стихотворения Лермонтова и Гейне разнятся, как белая кобыла и вороной жеребец! Но лермонтовский шедевр так же неотделим от русской поэзии, как гейневский — от немецкой. А вот тютчевский перевод этого стихотворения Гейне («Кедр одинокий под снегом белеет»), по смыслу близкий к оригиналу, так и не стал явлением русской поэзии.

В чем же дело? На этот вопрос отвечает китайская притча. В переводе должен полыхать дух оригинала — и это главное. Все остальное — ритм, образы, метр — второстепенно. Вот он, принцип поэтического перевода: чужой огонь надо воссоздать своим огнем! Цветаевский «легкий огонь, над кудрями пляшущий, дуновение вдохновения»...

Но лермонтовский перевод — «вольный». А бывает и «точный». Есть редчайшие удачи, почти невероятные совпадения. Равномоцны «Erlkönig» Гете и «Лесной царь» Жуковского; предельно близки к оригиналу по всем статьям переводы из Гете Алексея Толстого — «Бог и баядера» и «Коринфская невеста». Столь же точно перевел Рильке Лермонтова — «Выхожу один я на дорогу»... Та же Цветаева говорила: «Я знаю, что Венера — дело рук. Ремесленник — я знаю ремесло».

А критерии? Каковы все же критерии стихотворного перевода? Как у всякого произведения искусства, — Истина, Добро, Красота? Или, как требовал Эйнштейн от научной теории, от модели действительности, — Внутреннее Совершенство и Внешнее Оправдание? Скорее всего, перевод стиха есть синтез науки и искусства. Науки о языке и Поэзии. Точная вольность. Гармония. Вольная точность... Горячо, горячо...

— Боже мой, о чем я думаю! Мне нужен сейчас один-единственный критерий! Мой критерий таков: «ЗА ЧТО МЕНЬШЕ ДАДУТ?» За «искажение смысла», за «неточность»? Или за «слабую художественность»? (Давали тогда до двадцати пяти лет, и неизвестно за что).

Тарковский вспомнил собственную фразу на приеме у Шипелова «Ведь каждое слово Вождя должно быть начертано золотыми буквами на скрижалях истории». «Каждое» в этом контексте куда существенней, чем «золотое». Ну что поделаешь, если золотого запаса не хватило в душе переводчика, талант слабоват? Да и чей талант в принципе может сравниться с гением Вождя всех времен и народов?

А вот если пропустив, исказив, передать неточно важное слово Вождя... Это тюрьма. А неважных слов у Вождя не бывает. Ясное дело, за «неточность» больше дадут...

— Ну, с Богом! — воскликнул Арсений Александрович и принялся за работу.

ЧАСТЬ IV. ХЕППИ ЭНД ИЛИ ПОРТФЕЛЬ ИЗ КРОКОДИЛОВОЙ КОЖИ

К счастью, стихи у Сталина оказались, во-первых, простыми, без сложных метафор; во-вторых, весьма традиционными, в псевдонародном стиле; и, в-третьих, размер был достаточно длинным, что-то вроде шаири. А длинные стихотворные строки переводить значительно легче (в смысле передачи «каждого слова», конечно).

Это были стихи, в основном, о природе. О горах, о полях, о луне, о фиалке и розе. Как видно, природа вполне устраивала юного Джугашвили. Это уже потом, много лет спустя, появился Великий Сталинский план преобразования природы...

Работа со скрипом, но шла. Каждый раз, закончив дневную норму, Тарковский укладывал рукопись и «сталинские подстрочники» в портфель из крокодиловой кожи, а портфель убирал в сейф. Таковы были строжайшие указания Железного Шурика, которые Арсений Александрович неукоснительно выполнял.

Тарковского томила нестигаемая схематичность Джугашвили-поэта. Не случайно товарищ Сталин так отозвался о поэме Горького «Девушка и смерть»: «Эта штука сильнее „Фауста“ Гете. Любовь побеждает смерть». Когда Бабель узнал об этом отзыве Сталина, он воскликнул: «Ну всё, мы пропали!» Как в воду глядел... В прокрустово ложе схемы Вождь втиснул живое тело советского общества, а всё, что не лезло в схему, обрубил топором...

Арсений Александрович перевел уже большую часть творений Сосело. Уже этот труд не казался ему столь опасным и тягостным.

Дни летели — и вот однажды необычно, протяжно зазвенел телефон, Металлический, но весьма приятный баритон осведомился, готов ли заказ.

Я сделал немало, но еще не закончил.

— Соберите всё, что Вы сделали, положите в портфель и ждите. За Вами придут.

Черный лимузин вновь доставил Тарковского на Старую площадь. Поэта ввели в тот же зал. За белым столом застыли знакомые лица — но их было меньше, чем в прошлый раз. На скатерти дышали чашечки кофе, цветы — но коньяка уже не было. А во главе стола восседал горбун, похожий на дымный изогнутый коготь. «Скорее всего, Почесалов», — пронеслось в голове у Тарковского. (Это Поскребышев плюс Пospelов, деленные пополам).

— Здравствуйте, товарищ Тарковский! — угрюмо сказал горбун. — Дело в том, что товарищ Сталин каким-то образом узнал про наш сюрприз. По свойственной ему скромности, к великому нашему огорчению, товарищ Сталин не одобрил намеченное мероприятие. Поэтому нам пришлось прервать Вашу работу.

Тарковский почувствовал громадное облегчение — как моральное, так и физическое, потому что официант тут же взял у него из рук тяжеленный зеленый портфель и куда-то унес. Неужели все кончилось?

— Я могу идти? — спросил он у Почесалова. Но Почесалов поднял палец и произнес: «Арсений Александрович! Вы трудились! Мы просим Вас: примите на память наш скромный подарок».

Появился официант, принес всё тот же портфель из крокодиловой кожи и с поклоном вручил его Тарковскому.

— Благодарю Вас! Прекрасный портфель! — сказал Тарковский, откланялся, и вот уже «черный мотор» плавно перенес его со Старой площади мимо Лубянки домой, домой — в желанный Варсонофьевский переулок.

Незримая когтистая лапа разжалась. Отпустила душу на волю.

— Милая, смотри, этот портфель теперь наш. Нам его подарили, — с улыбкой сказал он жене. Но та сразу поставила тяжкий портфель на стол и распахнула его. Портфель был набит деньгами. Такого гонорара Арсений Александрович никогда еще не получал. На эти деньги Тарковские жили целый год, и даже ездили на Юг — отдыхать. И только зеленый портфель не давал им потом позабыть об этой восточной, из ряда вон выходящей истории.

ЭПИЛОГ

Эту легенду, записанную со слов Арсения Александровича, я прочитал его жене, Татьяне Алексеевне Озерской-Тарковской.

— Почти все так и было, задумчиво сказала Татьяна Алексеевна, — но кое-что Арсюша придумал. Например, телефон у нас был. А сейфа никакого не привозили. Арсений Александрович убирал работу не в сейф, а в секретер времен Павла I, который купил когда-то в антикварном магазине... Фамилия чиновника, который вёл это дело, не то Пospelов, не то Поскребышев. Не помню точно. Но вот что нужно подчеркнуть: никогда, ни при каких обстоятельствах Тарковский не писал стихов о Сталине. Переводы — это ему навязали...

Думаю также, что вряд ли были возможны при такой беседе в ЦК коньяк и цветы... Портфель же с деньгами был... Портфель замечательный. И всё остальное — чистая правда.

— Ну что же, — подумал я, — будем надеяться, что эта легенда и подлинная история похожи друг на друга, как белая кобыла и вороной жеребец.